

К О Н С Т А Н Т И Н А Б А З А

КАЗАКИ

ДОНЦЫ, УРАЛЬЦЫ, КУБАНЦЫ, ТЕРЦЫ

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ
СТАРОДАВНЕГО
КАЗАЦКОГО БЫТА
в общедоступном изложении

Константин Абаза

**Казачи. Донцы, уральцы, кубанцы,
терцы. Очерки из истории
стародавнего казацкого быта
в общедоступном изложении**

«Центрполиграф»

1899

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Абаза К. К.

Кзаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории стародавнего казацкого быта в общедоступном изложении / К. К. Абаза — «Центрполиграф», 1899

ISBN 978-5-227-10276-8

Одна из наиболее известных в России до революции книг о казаках была написана автором многих наставлений по подготовке рядового и унтер-офицерского состава военным писателем и педагогом Константином Абазой. Книга дважды была напечатана в конце XIX века и не переиздавалась в СССР. Сегодня мы представляем ее современному читателю. Вас ждут рассказы о возникновении казачества на Дону, о славных страницах военных казачьих походов, описание быта казаков, биографии наиболее ярких представителей казацких атаманов, вождей восстаний, героев, прославивших казаков Дона, Урала, Кубани и Терской области. История России во многом определена казаками. Без этой особой силы на окраинах Московского царства ни Сибирь, ни Дальний Восток, ни Кавказ, ни Причерноморье, ни прикаспийские земли не вошли бы в состав России. В книге использованы иллюстрации 2-го издания 1899 г. и рисунки Н.С. Самокиша. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-227-10276-8

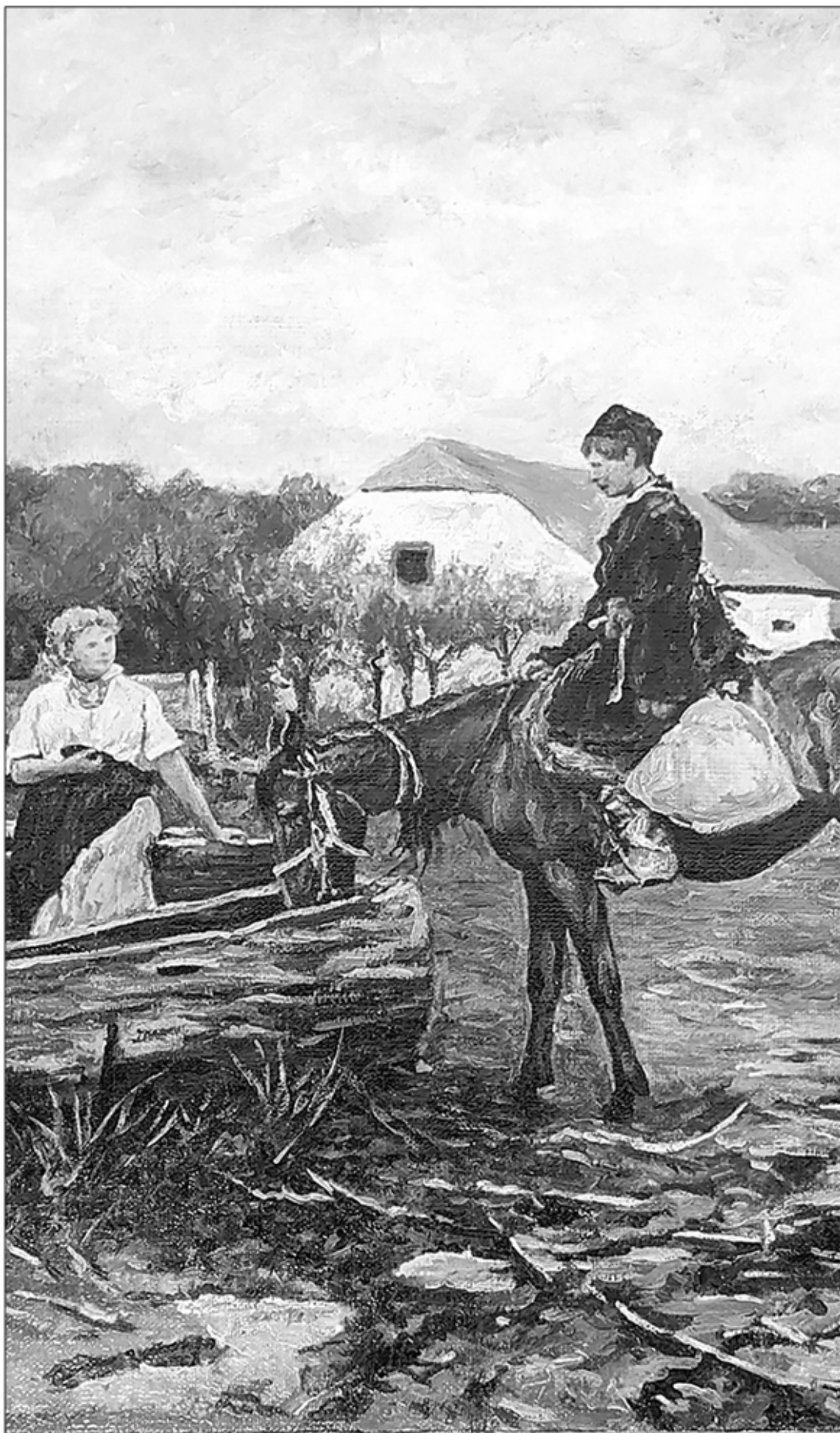
© Абаза К. К., 1899
© Центрполиграф, 1899

Содержание

Предисловие	9
Донцы	11
Казачьи юрты и добывание Азова	12
Как донцы жили и воевали в старину	20
Казачья вольница	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Константин Константинович Абаза
Казачи

Донцы, уральцы, кубанцы, терцы
Очерки из истории стародавнего казачьего
быта в общедоступном изложении

© «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2023

Предисловие

Относясь по обыкновению самым внимательным образом к отзывам периодической печати, составитель пополнил один из указанных ее пробелов, а именно обилие военных эпизодов сравнительно с бытовой стороной казачества. В настоящее издание введена отдельная глава «Станичный быт донцов», приблизительно в XVIII веке, причем составитель пользовался главным образом трудами известного знатока донской старины г. Краснова, в то же время некоторые отдельные эпизоды, как менее яркие, выпущены. Что касается упрека в пренебрежении к последним военным событиям, как, например, Русско-турецкая кампания 1877–1878 гг., то составитель должен оговориться, что, преследуя намеченную им цель – о чем подробно сказано в предисловии к 1-му изданию, – он вовсе не имел в виду исчерпать всю историю казачества, но лишь только показать в отдельных очерках, как велика служба, оказанная им государству по заселению и охране границ, при совокупном же действии с прочими войсками – перечислить по возможности все разнообразные положения, в которых приходилось казакам действовать более или менее самостоятельно, то вспомогательно: сегодня – в поле, завтра – позади или впереди крепостной ограды. Группируя материал в таких определенных рамках, оставалось только заботиться о том, чтобы избежать повторений, а тем более сухого перечня исторических фактов.

Включение рассказов о казацкой вольнице и вообще о временах потрясений, по мнению составителя, давало возможность тем самым ярче оттенить устойчивость начал государственного быта: откуда тяготение окраин к центру и вековая привязанность казачества к преемникам Ивана Васильевича Грозного. И чем же иным можно объяснить, почему оно никогда не теряло благоволения венценосцев или, вслед за взрывом, так легко и скоро становилось послушным орудием предначертаний державной воли? В заключение остается сказать, что благодаря любезности издателя явилась возможность поместить, кроме характерных виньеток, около десятка рисунков – видов, типов и портретов.

2 сентября 1898 г., г. Измаил

К.К. Абаза

Донцы

Казачьи юрты и добывание Азова

Поросшие густыми камышами берега «тихого» Дона, его бесчисленные островки, обилие рыбы и дичины, достаток в лесе и степное приволье – все вместе манило к себе из Руси бедняков, бездомовников, на жительство на вольное, на казачье.

Тут всегда была надежда на наживу: в степях паслись табуны ногайцев, по Волге ходили караваны с хлебом, с солью, с воинским запасом; степью проезжали московские и турецкие послы с богатыми подарками; наконец, под рукой вечно шумело синее море, по берегам которого стояли в красе и зелени заветные города: Трапезонт, Синоп, Царьград, Кафа, Керчь. И подобно тому, как на низовьях Днепра осело Запорожское братство, так же и на низовьях Дона скопилась вольница, получившая впоследствии название «великого войска Донского». Неизвестно, где именно поселились первые удалыцы; но когда число их умножилось, и они укрепились в городке раздоры, в 120 верстах от турецкой крепости Азова, в том самом месте, где Донец сливается с Доном. Вообще, казачьи городки ставились всегда в укромных местах, где-нибудь в лесу или за болотом, на островке или между густых камышей. Облюбовав местечко, обносили его частоколом или плетнем, а снаружи присыпали из небольшой канавы землю – вот и вся защита. Окружная местность называлась юртом. Казачьим жильем служили шалаши, а не то землянки. Ничего в этих городках не было заманчивого для хищных соседей; их строили так, чтобы «не играл на них вражеский глаз». «Пускай, – говорили прадеды донцов, – бусурмане жгут наши городки, мы в неделю выстроим новые, и скорее они устанут жечь, чем мы строить новые». Первым поселенцам случалось по несколько месяцев скрываться в степи, по балкам, кормиться одними ягодами да пить из луж водицу. Многие погибали от нужды, многие – в одиночных схватках. Вольная казачья дружина росла и крепла понемногу, пока сплотилась в «великое» войско. Земли в ту пору казаки не пахали: привольная степь служила им пашней, а добыча – единственной жатвой. В то время, как эта ватага сторожила на Волге суда, шедшие сверху, другая пробиралась степью к русским окраинам, третья ловила ногайских коней, или же рыскала в закубанских лесах. Особенно усилились казаки с тех пор, как свели дружбу со своими братьями-запорожцами, или, как их звали на Дону, черкасами. Запорожцы хаживали на Дон в одиночку, являлись целыми ватагами: они указали донцам новый, более прибыльный путь для добычи – «синее» море. И стали тогда казаки с двух сторон громить Крым, полошить турецкие берега. О тех и других прошла по христианским землям слава, как об истых ратоборцах и ненавистниках неверных. Подобно запорожцам, донцы сделались передовой стражей своего Отечества: те берегли Польшу и Украину, эти – Москву.

Московские государи, начиная с Ивана Васильевича, по прозванию Грозного, поняли казачью силу; они начали ласкать казаков, награждали их то подарками, то милостивым словом, а попозже – и царским жалованьем. В то время, как росла казацкая слава, умножалось и богатство донцов. Из бездомных, оборванных голышей казаки становились обладателями больших сокровищ; дотоле безлюдные, глухие степи, где рыскали лишь волки да перелетали стадами пугливые дрофы, покрылись табунами лошадей, стадами скота, оберегаемыми невольниками разных стран и народов. Это было достояние казаков.

Однажды пришла на Дон большая ватага запорожцев и осталась здесь навсегда, поселившись поближе к Азову, но также на берегу Дона, среди зарослей густого камыша. Это место получило название Черкасских юрт, а позже – Черкасского городка, или просто Черкаска. Донцам пришлась по душе та беззаветная отвага, которою отличались запорожцы – эти бесстрашные люди, кажется, ничего и никого не боялись, кроме Господа Бога да его святых угодников. Зато им полюбилась их разгульная жизнь. Запорожец ни во что ставил и свою жизнь, и раздобытую кровью копейку, тогда как донцы стали домовиты, начали копить про черный денек. И Черкасском городке шла гулянка с утра до вечера, с вечера до утра; в Раздорах – всегда было тихо, даже как-то угрюмо. Молодежи это не нравилось, и она стала чаще да чаще посещать своих соседей, что повело к умножению населения, и скоро казаки совсем покинули Раздоры. Черкасск сделался главным городом, население его смешалось с татарами, греками, особенно по причине частой женитьбы на невольницах. Однако буйные головы не сидели на месте. Целыми ватагами они рыщут по белому свету, причем удалство и жажда наживы

заводит их так далеко, как, быть может, им не думалось. Они покоряют русскому царю целые народы, проникают в далекие, никому неведомые окраины, и тем самым указывают путь мирному переселенцу-землепашцу, купцу или промышленнику. Так, в конце царствования Ивана Васильевича Грозного, старшина Качалинской станицы Ермак Тимофеев, вместо того, чтоб охранять границу от Астрахани до р. Дона, появился разбойником на Волге. Он навел страх не только на проезжих купцов, но и на все улусы кочевников, подвластных царю. Движение по Волге прекратилось; все пути между Москвой и Астраханью были перехвачены. После того Ермак вышел в море, где повстречал заморских послов; он живо с ними расправился, суда их потопил, а добычу присвоил. Грозный царь осудил Ермака с четырьмя его подручниками, в том числе Ивана Кольцо, на смертную казнь. Тогда казаки, спасаясь от царского войска, бежали на Каму, оттуда братья Строгоновы вырядили их на завоевание Сибири. Вместо плахи, Ермак Тимофеевич прославил себя и свою дружину, как завоеватель Сибири. Он же положит начало сибирскому казачеству. Другая буйная ватага, потерпев крушение судов на Каспийском море, осела в устьях Терека, откуда ее не могли выгнать ни кумыки, ни тавлинцы, – это терские казаки. Третий атаман, сказывают, Нечай, выбрал для своей дружины в 800 человек привольные места по Яику, нынешнему Уралу, где обилие рыбы послужило главной приманкой и причиной обогащения уральских казаков. Как на Дону, так же в Сибири, на Урале и на Тереке казаки не сидели оседло, а искали новых мест для поселения, новых путей; слабых соседей они покорили, сильных держали в трепете частыми набегами. Правда, эти задирательства служили помехой доброй соседской дружбе между Москвой и мусульманскими державами. Жаловался много раз крымский хан, грозился турецкий султан, наконец, стонали русские украинские города, разоренные грабежом и пожаром. Из Москвы писали тогда увещания, а подчас и угрозы, смотря по вине. Однажды царь Михаил Федорович прислал такую грамоту: «В море на грабеж не ходите и тем нас с турецким султаном не ссорьте. Послушаетесь, тем службу свою прямую нам покажете... Если же, паче чаяния, и после сего нашему делу в турками какую поруку учините, опалу на вас наложим, в Москву для ласки никогда вас не призовем, пошлем на вас рать, велим на место вашего Раздора поставить свою крепость, изгоним вас с Дона и вместе и султаном не позволим вам воровать, как ныне воруете. Страшитесь моего гнева, с азовцами неукоснительно помиритесь...». Донцы мало внимали угрозам, говоря в кругу: «Мы верны Белому царю, но что берем саблюю, того не отдаем даром». Вместе с запорожцами они ограбили и сожгли Воронеж, убили тамошнего воеводу, в том же году пограбили турецкие суда, после чего выжгли Трапезонт и Синоп. В другой раз казаки разорили возле Царьграда монастырь Иоанна Предтечи, Султан Амурат выслал против них целую флотилию, которая захватила семь казачьих стругов. На допросе казаки, не боясь смерти, объявили, что они люди вольные, ходят на войну по своей охоте, а царского указа на то не имеют. Их предали лютой казни. Через два года казаки уже пытались взять Керчь, но, потерпев неудачу, пограбили окрестности и овладели Карасубазаром, где получили знатную добычу.

Вскоре после того, а именно в 1636 г., большая ватага, тысячи в четыре запорожцев и украинских казаков, пробиравась в Персию, в надежде там поселиться. На Дону их задержали: «Зачем вам, братья, искать далекого счастья? Мы имеем запасу довольно, возьмем с вами Азов и будем свободно ходить и на Синее море, и на Черное море; там в один поход мы добудем зипунов больше, чем вы соберете в Персии за 10 лет».

Давно стоял Азов бельмом в глазу у казачества. Пока крепость находилась в руках турок, они не могли развернуть своих крыльев. Азовцы зорко стерегли морской путь, и, как увидим дальше, много надо было удали, еще больше хитрости, чтоб проскользнуть мимо крепости. Овладеть Азовом, стать хозяевами этой твердыни, сделалось заветной думой донцов. Они не загадывали о том, сумеют ли удержаться, – им лишь бы взять его, и в этом деле помог казакам счастливый случай: запорожцы согласились остаться.

В ту же зиму были разосланы по всем городам повестки, чтобы казаки готовились на поиск, а кто не явится, тому не будет ни суда, ни расправы. Ранней весной, как только прошла «крыга» (лёд), оба берега покрылись конными, в то время как низшие казаки спускались на стругах, поспешая к монастырскому городку, в 7 верстах от Черкаска, где обыкновенно собирались для промысла. Составился круг. Вышел войсковой атаман и приглашал казаков взять Азов. «Любо, любо!» – отвечали, как один, тысячи голосов. Походным атаманом выбрали Михаила Татаринова, и тотчас снарядили в Москву «легкую станицу», т. е. посольство, известить царя о выступлении «всевеликого» войска Донского под Азов. Азовский паша на этот раз их-то проглядел: турки беспечно смотрели на сборы и приготовления казаков. Им, конечно, не приходило в голову, чтобы конное войско, без артиллерии, без осадного парка и инженерии, могло затеять такое неслыханное дело, как приступить к крепости, окруженной высокими каменными стенами и башнями, вооруженной пушками, защищаемой храбрейшей турецкою пехотою! Казаки надеялись взять Азов нечаянным нападением, почему держали свое намерение в тайне; к несчастью, в это самое время им доводилось провожать турецкого посла, который гостил у них проездом в Москву. Хитрый грек, Фома Кантакузен, задарил старшин расшитыми золотом зипунами, обласкал остальных казаков и на званом пиру, когда развязались языки, сумел выпытать тайный умысел. Зорко стерегли казаки все пути, однако Кантакузен и тут их перехитрил, переславши паше грамоту. В крепости началась суета, установка орудий, сбор защитников – увидели тогда казаки, что они обмануты. Посол был задержан; в день Георгия победоносца, после молебна, казаки спешно выступили всем войском под Азов, имея при себе только четыре фальконета.

Крепость приготовилась к защите. На высоких ее стенах уже стояло 4 тысячи янычар; топчии, или артиллеристы, расхаживали с зажженными фитилями у своих длинных, чудовищных пушек. Казаки нисколько не смутились. Отважный Татаринов, прежде всего, распорядился занять устье Дона, а также все пути, ведущие к Азову – из Крыма, с Кубани, от Ногаев; после того, как крепость была обложена, казаки повели к ней подступы. Между ними находился какой-то немец Иоанн. Он взялся подорвать стену при помощи подкопа. После долгой и трудной с непривычки работы, немец вдруг объявил, что он ошибся. Заложили новый подкоп, а, между прочим, окрестности казачьего табора покрылись татарскими наездниками: то была помощь осажденным туркам. Степь оживилась, началась перестрелка; с обеих сторон ежедневно выезжали одиночные всадники показать свою удалость. Вскоре и это наскучило. Запорожцы, привыкшие вершить свои дела сразу, налетом, стали роптать. Азовцы над ними смеялись: «Сколько под Азовом ни стоять, а его как своих ушей вам не видать!» кричали они со стен. Не стерпели казаки, ринулись на приступ. Однако их отбили. Не имея артиллерии, не зная правил осадной войны, казаки понадеялись на счастливый случай; теперь, изведав неудачу, стали падать духом; особенно бранились запорожцы. Действительно, конца осаде не предвиделось. В это самое время казачьим разъездам удалось перехватить грамоты турецкого посла, в которых он подробно доносил о бедствиях Азова и просил у султана помощи. Гонца, по обычаю того времени, пытали. Он показал на толмача, что вся беда идет от него, что он чародей и накликает христианскому войску худой конец. Рассвирепевшие казаки убили Кантакузена, как Иуду предателя, и утопили его толмача, как лихого колдуна. Чтобы очистить лагерь от волшебных чар, они отслужили торжественное молебствие, окропили святой водой табор и успокоились. На третьем месяце осады смысленный немец довел свое дело до конца. Подкоп был готов. 19 июля, на рассвете, казаки, выслушав молебен защитнику Азова Иоанну Крестителю, разделившись по отрядам, двинулись с разных сторон на приступ. К полудню вся крепостная стена была в жестоком огне; гремели, не умолкая, пушки, огромные каменные ядра взрывали землю; сквозь облака пыли и густого едкого дыма сумрачно глядело багровое солнце. Там, наверху, между зубцами каменной стены, янычары, в упоении победы, выкрикивали позорную брань, а внизу с шумными криками надвигались с разных сторон казачьи дружины... Вдруг, как «мол-

ния великая», сверкнул под стеной огонь, потом что-то треснуло, взлетели глыбы земли, камней – часть стены обрушилась. Дружно гикнули тогда отборные сотни, засевшие в своем укреплении напротив подкопа, и, как один человек, под начальством самого атамана, ринулись на пролом. Это были отважнейшие из отважных, «рыцари-казаки», как они себя величали. Рассеянные по всей стене, обманутые ложными атаками, турки не оказали им сопротивления. Все поле покрылось бегущими азовцами, но лишь немногим счастливым удалось избежать кровавой мести за насмешки, за погибших братьев, за томления долгой осадой. Башни и крепкий замок продержались еще дня три или четыре, пока против них не направили турецкие же пушки; затем ни одного турка не осталось в Азове.

Некогда богатый генозский город Азов запустел под властью турок. Его прекрасные здания почернели от времени, полуразрушились, христианские церкви были обращены в мечети, по пустым улицам и площадям бродили тысячи голодных собак. Очистив город от трупов, казаки праздновали новоселье. Пируя на площадях, под открытым небом, они похвалялись, что достали Азов «своим разумом и дородством», что, разоривши гнездо неверных, освободили от них христианскую землю. Всю доставшуюся добычу снесли в одно место и поровну разделили;

драгоценные же парчи и сосуды были отправлены в монастыри, чтобы там молились за упокой убиенных и здравие живых. Старую церковь Иоанна Крестителя казаки освятили вновь, потом приступили к сооружению новой, во имя св. Николая Чудотворца. Азов был объявлен вольным христианским городом; вскоре явились сюда купцы из Кафы, Керчи, Тамани; открылась торговля, христианское население спешило с разных концов занимать пустые турецкие дома. Казаки, незнакомые дотеле с порядками городской жизни, зажили припеваючи.

Царь Михаил Федорович, хотя и попенял казакам за самовольную расправу с турецким посланцем, однако не лишил их своих обычных милостей. Когда же явился в Москву новый посол от султана, царь отвечал, что казаки вольные люди, воюют на свой страх, а если султан захочет, то может и сам их унять. Русское государство лишь незадолго перед тем стянуло самозванцев; оно едва успокоилось от безначалия и смуты, почему не имело ни сил, ни охоты начинать из-за отдаленной крепости войну с грозными силами турок. В ту пору турки были воинственны, сильны и страшны для всей Европы. Борьба с ними являлась под силу лишь одним казакам – дерзким, изворотливым, нападавшим врасплох, исчезающим как вихрь. Такая война утомительна: она истощает силы, вечно держит врага в страхе. В открытом же бою турки со своими янычарами и спагами, т. е. конным войском, были непобедимы. Конечно, они не могли оставить Азов в руках казаков, тем более, что последние беспрепятственно проходили теперь в Черное море, берега которого огласились страшными воплями ограбленных и замученных жертв. Султан был занят войной в Персии, потом он умер, и таким образом прошло три года, прежде чем турки подступили к Азову. Зато они располагали громадными силами, точно собрались на завоевание целой страны. Говорили, что в осадном корпусе находилось 6 тыс. наемных мастеров из разных земель – для ведения подкопов, снятия планов, постройки укреплений, мостов и т. п.; главную же боевую силу составляли 20 тысяч янычар, столько же спагов, 40 тысяч татар да черкесов, а всего около ста тысяч. В начале июня 1641 года вошел в устье Дона турецкий флот и выгрузил осадную артиллерию: тут было более ста пушек проломных, 70 мелких с мортирами, великое число снарядов, изобилие пороха.

Через 2 недели Азов обложили от реки до моря, на протяжении 40 верст. Казаки сели в осаду. Их было всего около 7 тысяч, правда, самых бесстрашных, готовых на все. В первый же день явилось в крепость трое посланцев от трех турецких военачальников: от сераскира Гуссейна, от крымского хана и янычарского аги – с предложением сдать крепость и получить за то 40 тысяч червонных.

«Все равно, – говорили послы, – вам, казакам, никак не извернуться; вы здесь, как в западне. Белый царь от вас отказался, помощи себе из Москвы не чайте». Войсковой атаман

Петров отвечал за всех: «Сами волею своею взяли мы Азов, сами и отстаивать его будем; помощи, кроме Бога, ни от кого не ожидаем, прельщений ваших не слушаем и не словами, а саблями, готовы принять вас, незваных гостей!» На другой же день 30 тысяч лучших турецких войск, прикрывшись иноземцами, бросились на приступ; они потеряли 6 тысяч и со стыдом отступили. Сераскир заключил на два дня перемирие, причем платил тем же казакам за каждого убитого мусульманина по червонцу. Так началась достопамятная защита Азова, напоминающая столь же доблестную защиту христианами рыцарями города Родоса. Как там, так и здесь, сражались братья-воины, исконные враги мусульман, сражались в малом числе, но с такой стойкостью, с таким мужеством, что привели в удивление весь христианский мир. И если начать сравнивать, кому приходилось горше, то, конечно, казакам, потому что за рыцарями уже тогда утвердилась вековая слава их доблестей: они были богаты, хорошо вооружены, имели отличное, приспособленное к воинскому делу, устройство; наконец, за их борьбой участливо следила вся христианская Европа, тогда как казаки бились на далекой окраине Московского государства; многие и не ведали, что они были за люди.

Турки насыпали вокруг крепости высокий вал; казаки сделали вылазку, взяли этот вал, подорвали его и прогнали неприятеля. Тогда турки позади первого вала насыпали другой, до высоты стен, втащили более сотни орудий, после чего открыли безостановочную пальбу, продолжавшуюся 16 дней подряд. Крепостные стены были сбиты до основания. Казаки для своей защиты устроили вторую линию обороны, по разрушении ее – третью, и наконец – четвертую. Там, сидя в землянках, они продержались до конца осады. Но они не ждали, пока появятся на валах турецкие бунчуки, а шли навстречу неприятелю подкопами; после каждого взрыва очередная сотня кидалась на вылазку, побивала оглушенных врагов, пока поспевала к ним помощь. Турецкие подкопы всегда натывались на подземные работы казаков, и тут последние брали верх, потому что заранее готовились к встрече. Сераскир, видя безуспешность бомбардировки, стал ежедневно посылать войска на приступ. Всегда готовые и к этому, казаки встречали турок меткими пулями, потом кидались в сабли, рубились, не уступали ни шагу; во время приступов атаман зорко следил, не ослабела ли где защита, и посылал туда немедленно помощь. В самом пылу боя появлялись на облитых кровью валах казачья жены; они подавали помощь раненым, кормили голодных мужей, подносили бойцам оружие, порох; они же копали под выстрелами рвы, таскали на валы землю; в последнюю минуту казачки лили горячую смолу и кипятки на головы штурмующих. Более трех недель турки штурмовали ежедневно – и покинули. Они потеряли почти половину пехоты, расстреляли все снаряды, порох; к тому же сераскир поссорился с крымским ханом, который не хотел посылать на валы свое конное войско. От недостатка кормов в турецком лагере открылся мор на людей и падеж на лошадей; гниющие трупы заражали воздух нестерпимым смрадом. Сераскир послал в Царьград просьбу, чтобы ему разрешили отложить покорение Азова до будущей весны, но вместо ожидаемого разрешения получил суровый приговор: «Возьми Азов, или отдай свою голову». Прошло некоторое время, пока его снабдили всем необходимым для продолжения осады. Казаки немного отдохнули; они успели даже получить из Черкаска помощь – и людьми, и припасами, так что, когда сераскир возобновил бомбардировать, защитники также бестрепетно стояли на своих валах. Страшное разрушение наносили тяжелые снаряды, по 2, по 3 пуда каждый, разметававшие в прах все городские постройки; лишь одиноко среди пустырей стояла церковь во имя Иоанна Крестителя. Говорили, что лик Предтечи ежедневно орошался слезами. Заступничество небесных сил ободряло изнемогающих борцов, добрая половина которых уже полегла на вылазках или на приступах. И все-таки казаки сохранили настолько силу духа, что делали по ночам вылазки, заманивали неприятеля притворным отступлением, наводили его на подкоп, а после взрыва снова кидались вперед с безумной отвагой. Однажды они уложили таким способом более тысячи спагов. Последние две недели осады сераскир днем штурмовал, вечером открывал на всю ночь пальбу по развалинам крепости. Как-то туркам удалось овладеть одним

бастионом. Казачи, получившие в этот самый день подкрепление в 300 человек, ударили на врагов так быстро, с такою смелостью, что те сразу опешили и побросали оружие. Бастион снова перешел в их руки.

И турки, и казачи надорвали свои силы в такой продолжительной и упорной борьбе; наступали ее последние дни; кому-нибудь – туркам или христианам – надо было уступить... И там, и здесь приходилось одинаково худо.

Уцелевшие еще от побоищ, израненные, истомленные казачи еле передвигали ноги; одни умирали на ходу, пробираясь в свои землянки; другие засыпали вечным сном, прислонившись к насыпи. Пуще всего изводила их цинга, эта неизбежная спутница тесноты и голодовки. И в лагере сераскира было не лучше, особенно с наступлением холодов и ненастья. Сырой, пронзительный ветер пробирал до костей непривыкших азиатов, закутанных в свои дырявые плащи, босоногих и голодных. Крымский хан давно увел своих татар домой. Турки болели и мерли, как мухи. В отчаянии сераскир приказал испытать последнее средство: насадили на стрелы грамотки, в которых обещали каждому казачу по тысяче талеров, если будет сдана крепость, и спустили эти грамотки в крепость. Турки напрасно ждали ответа.

«Басурманское прельщение» не подействовало. Не о том думали тогда казачи: они готовились испить смертную чашу, в последний раз сцепиться и умереть в объятиях врагов, дорого продавши свою жизнь.

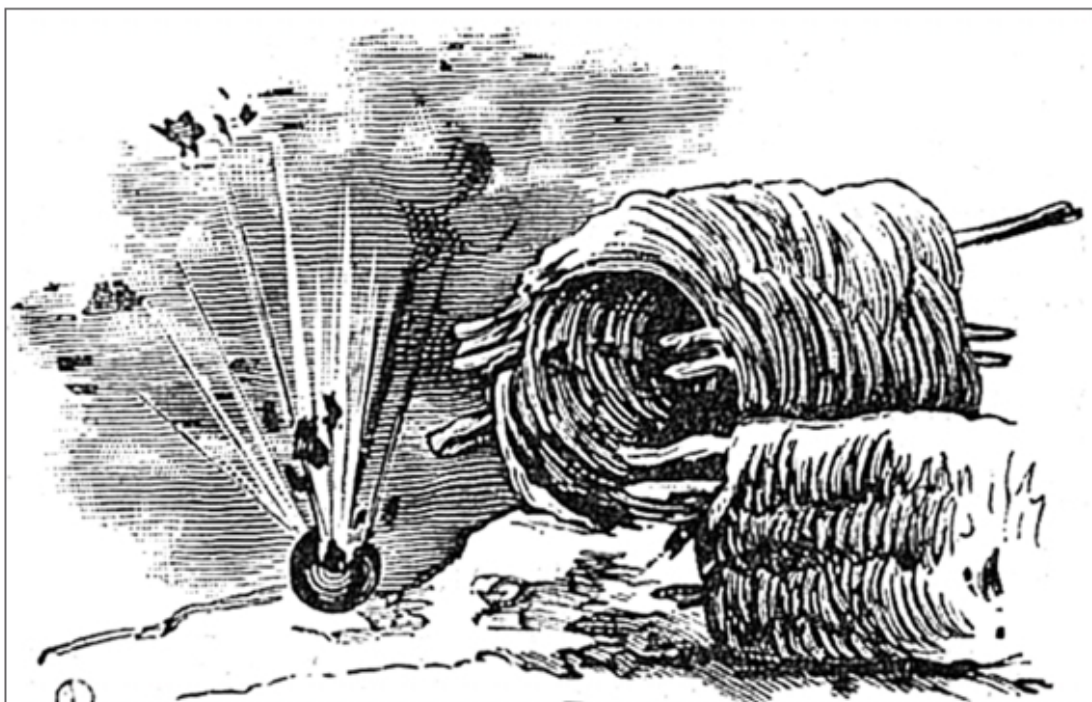
Наступал праздник Покрова. Полуживые защитники собрались вокруг, выслушали прощальные грамоты царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу, где, между прочим, было прописано: «...да простят их, непотребных и ослушных рабов; да простят великие государи их вину и помянут души их грешные». После этого казачи целовали крест и евангелие на том, чтобы при смертном часе стоять за одно, попросились друг с другом, и, отдавши по три земных поклона перед иконами угодника Николая да Иоанна Крестителя, покинули крепость. Они изготовились принять смерть, достойную прославленных героев древности.

Еще не успело обозначиться хмурое октябрьское утро, когда казачи, перепрыгивая через рвы и сползая по насыпям, как дикие кошки, незаметно окружали неприятельский стан... Там было тихо, словно поклонники пророка все вымерли: ни оклика, ни шороха. Вот всползли казачи ли последнюю насыпь, разом, по знаку атамана, выпрямились, взмахнули саблями – и остолбенели: лагерь оказался пуст, ни единого турка, лишь голодные собаки где-то грызлись за покинутую кость... «В уторопь» пустились казачи за турками, настигли их у самого моря, когда они садились на суда, и «в припор ружья» открыли по ним беглый огонь. В суматохе враги спешили поскорее уплыть, причем теснились, топтали, топили друг друга и погибали; казачи, столкнув последних в воду, схватили большое султанское знамя да шесть малых знамен; большая часть осадной артиллерии, которую не успели нагреть, также им досталась.

Столь постыдно закончили турки четырехмесячную осаду Азова, потеряв более половины своей многочисленной разноплеменной армии. Правда, и казачи потеряли много, но зато и выиграли больше, чем потеряли: в них стали уважать силу и доблесть; их перестали считать шайкой разбойников, промышлявших грабежом. За казачами с этой поры утвердилось название, которое они сами себе придумали: «Великое донское войско», в котором был свой войсковой уряд, свои обычаи, и сохранилась дедовская слава, переходившая из рода в род.

Через месяц после описанных событий въезжала в Москву «знатная» станица, или большое посольство, из 24-х казачков, особенно отличившихся при защите Азова, с есаулом Порошиным и походным атаманом, Наумом Васильевым. Войско донское просило великого государя прислать воеводу для принятия крепости, «ибо им, казачкам, защищать Азова не с чем». Станица была принята с честью; все казачи допущены к руке. Их наградили по окладу великим жалованьем, чествовали и угощали по все время пребывания царским иждивением. Между тем, боярская дума рассуждала о казачьем деле. Станичники доказывали все выгоды удержания Азова; они ссылались на то, что пока Азов был за ними, татары ни разу не осмелились

отвоевать русские окраины. Казаки говорили, что они готовы стоять верой и правдой, но без царских войск им не сдержать Азова, потому что от великой нужды и истомы оголодали, обнищали до того, что не могут снарядить себя даже на морской поиск. Дума присудила, а царь указал послать на Дон дворянина Желябужского с подьячим Башмаковым осмотреть крепость на месте. Кроме милостивой грамоты, царь пожаловал казакам в награду за их службу 5 тысяч рублей деньгами; кроме того, обещал прислать по весне хлебное жалованье, съестные запасы, пороху, свинцу, 200 поставов сукна. «А вы, атаманы, – писал царь, – службу свою, дородство и храбрость к нашему царскому величеству довершите и своей чести и славы не теряйте, а на нашу царскую милость и жалованье будьте надежны».

Прошло два года после достопамятной защиты Азова, когда казаки получили царский указ покинуть Азов, возвратиться по своим куреням или же отойти на Дон, «кому куда пригодно будет». Из страха войны с турками, Московское государство отказывалось таким образом содержать в отдаленной крепости свой гарнизон. Тогда казаки вывезли оттуда все запасы, артиллерию, снаряды, подкопали уцелевшие башни и стены; затем, оставив небольшой отряд, перешли с чудотворной иконой Иоанна Крестителя на Махин остров, что против устья Аксая. А в том же году появились в виду Азова 38 турецких галер. Казаки, бывшие в крепости, немедленно взорвали подкопы, и турки принуждены были раскинуть шатры на развалинах одной из сильнейших своих крепостей Мустафа-паша, начальствовавший флотом, за неимением ничего лучшего, обнес город частоколом, а из барочного лесу поделал казармы. Несколько позже туркам пришлось восстановить крепость, хотя далеко не в прежнем виде – ту строили генуэзцы, мастера этого дела – с тем, чтобы через сто лет, после двукратной защиты, навсегда от нее отступить в нашу пользу.

Как донцы жили и воевали в старину

Они имели свой особенный уряд, во многом схожий с запорожским, простой и приспособленный к их воинскому быту. С весны они обыкновенно собирались в главный город и располагались большим станом, что носило название «главного» войска. Здесь казаки большими голосами избирали войсковую старшину: войскового атамана, в помощь ему двух есаулов и для отписок – дьяка, или войскового писаря. Есаулы ведали войсковые доходы; они же приводили в исполнение приговоры круга.

Кругом называлось собрание всех наличных казаков, которые обыкновенно сходились где-нибудь в чистом поле или возле войсковой избы. Приговор круга считался окончательным: ему подчинялся сам атаман. В случае же разномыслия по какому-нибудь важному делу казаки прибегали под руку царя; тогда его воля исполнялась беспрекословно. Шумны, зачастую драчливы, были сборища казаков; но, по первому слуху о неприятеле, в войске водворялся порядок, наступала тишина; смолкали самые озорливые и, под страхом немедленной расправы, подчинялись выборному начальству. Двойная цепь пикетов и дальние конные разъезды зорко охраняли войско, стоявшее под Черкасском. Этот городок, затопляемый водой, был почти недоступен для неприятельской конницы, не имевшей артиллерии. Как только получалось верное известие о появлении неприятеля – со стороны ли Дона, или от Украины, – несколько сотен, с походным атаманом впереди, неслись напрямик, через степи, в тыл противнику, сторожили его на перевозах, ожидали у бродов, налетом отнимали добычу и невольников. Самые дальние наезды казаки совершали ночью, шли по звездам, нападали во время бури или сурового ненастья, когда враг меньше всего ожидал нападения. Пока он опомнится, пока соберется, удалыцы уже скрылись во тьме, с табунами лошадей, с прелестными пленницами. «Казак шел в траве, вровень с травой», – говорили в старину: высокий ковыль, кустарник, овраг, плетень – всем укрывался казак, не брезгал ничем. Вожак, что шел впереди, узнавал по следу не только, в какую сторону прошел неприятель, но когда именно – вчера-ли, третьего дня, и во сколько коней. Переправляясь через реки, казаки, подобно татарам, клали седло с вьюком на «салу», или небольшой плот из камыша и, привязавши его к лошадиному хвосту, сами цеплялись за уздечку. Таким способом они переплывали самые большие реки. Выражались в поход налегке: кроме сухарей ничего не брали; одевались бедно, вооружались ручными пищальями, копьями, саблями; в больших походах возили с собою фальконеты: длинные малокалиберные орудия, стрелявшие со станков свинцовыми ядрами от 1 до 2 фунтов весом. Отряд обыкновенно разделялся на сотни и пятидесятки, под начальством выборных нарочито для похода есаулов,

сотников, пятидесятников. Смотря по надобности, казаки сражались конным строем или же пешие. Если случалось им бывать окруженными, они быстро смыкались, батовали лошадей и отстреливались из-за них до тех пор, пока хватало пороха или же пока неприятель, наскучив осадой, отходил прочь. Нападали же казаки всегда лавой, т. е. длинным разомкнутым строем, при помощи которого они охватывали противника с флангов, заскакивали ему с тыла; за первой лавой следовала другая, потом третья... Редко кто мог устоять, слыша гиканье, завидев грозно оцетинившиеся казачьи пики.

При одновременном участии конницы с пехотой, последняя становилась посредине, при своих орудиях, а конница на обоих флангах. В этом случае пешие казаки стреляли залпами, после чего кидались в рукопашную. Такова была простая, бесхитростная тактика казаков, рассчитанная на верную удачу над противником, с которым им приходилось встречаться в открытом поле: ногаями, татарами, калмыками или иными кочевниками русских окраин. Тот же противник, появляясь в пределах казачьих поселений, всегда встречал сопротивление, с какой бы стороны он ни зашел. Вестовая пушка или колокол возвещали тревогу: станичный есаул, схватив знамя, скакал с ним по улицам и зычным голосом призывал население на защиту стены. Старики, жены, подростки – спешили отогнать коней и стада в камыши, чтобы там пересидеть тревогу; лодки затоплялись в воду, все прочее имущество закапывалось в ямы. Особенно часто схватывались казаки со своими ближайшими соседями, азовцами. Тут они придирались к каждому пустому случаю, чтобы учинить «размир». Например, азовцы, поймав где-нибудь на промысле казака, остригут ему усы и бороду; немедленно начиналась война. Бывали случаи, что в день заключения перемирия происходил и разрыв. Казаки нисколько не дорожили миром, потому что война доставляла им «зипуны», т. е. кормила их; мало этого: война обогащала их, прославляла по чужим землям. Частые войны и вечно тревожная жизнь порождали в казаках удаль. Удальцы никогда не переводились на Дону. Задумав погулять, или, как тогда

говорили, «поохотиться», казак выходил к станичной избе и, кидая вверх шапку, выкрикивал: «Атаманы-молодцы, послушайте меня! На Синее море, на Черное – поохотиться!», а не то: «На Кубань на реку за ясырем!» – значит, за пленными; иногда выкликали: «На Волгу-матушку рыбки половить!» – одним словом, куда кому вздумалось. Охотники всегда находились, в знак согласия, они также кидали вверх свои шапки, после чего шли в складчину в кабак, где пили водку и выбирали походного атамана. В назначенный день партия выступала, пешая или конная, смотря по уговору. На такие промыслы выходили небольшими партиями: редко в 50 человек, больше 5–10, иногда вдвоем, ходили даже в одиночку. И при всем том «охотники» полошили соседей, угоняли табуны, скот, брали ясырей, жен, детей, домашний скарб – все, что попадало под руку. Иные охотники прославили свое имя подвигами, о которых говорил весь Дон. Таков был, например, Краснощек. Рассказывали, что однажды он встретился в кубанских лесах с знаменитым джигитом, по прозванию Овчар, также вышедшим поохотиться. Богатыри знали друг друга по общей молве, искали случая где-нибудь сойтись – и встретились. Краснощек издали узнал соперника и поклялся «не спустить с руки ясного сокола». И горец почувал зверя издали. Он лежал над обрывом реки, облокотясь на землю, глядел прямо на трещавший перед ним огонек. Казалось, он не замечал, что хлещет дождь, что свищет буря, что близок его враг; он лишь украдкой косил глаза, чтобы вовремя схватить ружье. Краснощек живо сообразил, что ему не подойти на выстрел своего короткого ружья. Он вдруг исчез. «Тишком и ничком» прополз казак, сколько было нужно, и только успел выставить в сторонке свою шапочку-трухменку¹, как меткая пуля сбила ее прочь. Тогда он поднялся, подошел к Овчару, да «в припор» ружья и убил джигита наповал. Резвый аргамак, богатое ружье остались в награду счастливому охотнику; было тогда ему, чем похвастаться! На Дону, как и везде, охотники любили хвастнуть. Охота на зверя шла своим чередом. Особенно была в чести, так называемая, «большая охота», в которой принимало участие почти все войско. Тысячи конных и пеших казаков отправлялись за атаманом к курганам Двух братьев, неподалеку от Черкаска. Атаман, окруженный лучшими стрелками, становился на кургане; обширное займище оцепляли казаки. Три выстрела из пушки означали начало охоты. В тот же миг раздавались в цепи громкие крики, брань, свист, трескотня, от которых поднимались оглушенные звери. Там, где-нибудь из трущобы, вставал дикий вепрь. Просекая густые камыши своими страшными клыками, он выносился на луг, где его тотчас окружали лучшие наездники. Разъяренный зверь кидался то в одну, то в другую сторону, пока его не пригвоздят пиками. В другом месте мечется злобная гиена, захожая гостя из закубанских лесов: зверь лютый, даром шкуры не отдаст, и казаки это знают, глядят: за ней в оба. А вон там, по окраине луга, несется казак, приподняв тяжелый чекан: он, верно, гонит степного бродягу, старого волка. Ощетинился зверь, озирается, щелкает, но несдобровать ему – казачий конь все ближе, ближе... Взмахнул наездник и раздробил хищнику голову. Но ничего не может быть красивее, когда с быстротою стрелы несется по займищу легкая быстроногая сайга. Не жалеет наездник коня, сам пригнулся, плеть только свищет, но куда! Далеко! Увидев это, вихрем спустился с кургана войсковой есаул, взял наперерез и только взмахнул правой рукой, как задрожала красавица, почував на шее роковую петлю. А вот и сам атаман, изготовив ружье, зорко глядит вдаль: чует, что его молодцы подняли в трущобе могучего барса... С полсотни трусливых зайцев, прижав уши, мечутся по займищу, попадают под копыта, заскакивают в тенета или погибают под казачьей плетью. Охота кончена. Атаман отменно довольный, зовет к себе на пир, «отведать дичины». И долго гуляют казаки, пока не обойдут всех удачников, т. е. кому посчастливилось вернуться с добычей.

Запорожцы, – эти витязи моря, – не только указали путь к турецким берегам, но сами стали жожаками, сами бились впереди. Сыны Дона так же неустрашимо переплывали бурное

¹ Трухменка (трухмянка) – высокая барашковая шапка, принятая донскими казаками от кавказского кочевого племени турхменов, взамен прежнего скифского войлочного колпака.

море, так же внезапно появлялись среди мирного населения, вторгались в дома, жгли, грабили, убивали, нагружались добычей и так же бесследно исчезали в синих волнах моря. Ученики во многом дошли до своих учителей: они одинаково были безжалостны к юности и старости, знатности и бедности; они лишь не брезгали прекрасными пленницами, на которых после женились. Суровые запорожцы не щадили ничего, да и добычу они хватили лишь для того, чтобы дома ее прогулять.

Казачья челна также сами готовили для себя челны, обыкновенно из липовых колод, которые распиливали пополам; середину выдалбливали, с боков прикрепляли ребра, а по обоим концам – выгнутые кокоры. Для большей устойчивости эти неуклюжие посудины обвязывались пучками камыша. Когда изготовленные таким образом челны качались у берега, их нагружали запасом пресной воды и казачью снедь: сухарями, просом, толокном, сушеным мясом или соленой рыбой. Затем все воинство собиралось к часовне помолиться Николаю Чудотворцу, оттуда – на площадь, где пили прощальный ковш вина или меду. На берегу еще выпивали по ковшику и, наконец, рассаживались в лодки, по 40–50 человек в каждой. Удальцы выглядели обормотами: в самых старых зипунишках, в дырявых шапках, даже ружья у них ржавые.

Это недаром, а по примете: «На ясном железе глаз играет», так говорили бывалые. Дружным хором грянули казаки: «Ты прости, прощай, тихий Дон Иванович», и, взмахнув веслами, стали удаляться... С дерзкой отвагой проходили казаки мимо азовской крепости, у которой всегда настороже плавали турецкие галеры, поперек Дона была протянута тройная железная цепь, укрепленная концами на обоих берегах, где возвышались каменные каланчи с пушками. Перекрестный картечный огонь мог расщепить в каких-нибудь $\frac{1}{4}$ часа всю казачью флотилию, но у казаков имелись на этот счет свои навыки. В темную, бурную ночь с ливнем или в непроглядный туман они ухитрялись переволакиваться через цепи, после чего прокрадывались мелководными гирлами² прямо в море. Иногда они пускали сверху бревна, которые колоутились об цепь, и тем держали турок в тревоге. Наконец, туркам прискучит палить, бросят – ан, глядь, и прозевали молодцов. У них был в запасе еще другой путь: вверх по Донцу, потом волоком на речку Миус, откуда прямой выход в Азовское море. Морская тактика казаков во всем схожа с запорожской. При встрече с турецким кораблем обходили его так, чтобы за спиной иметь солнце, а спереди корабль. За час до захода они приближались примерно на версту, с наступлением же темноты окружали корабль и брали его на абордаж, большую часть врасплох: турки славились беспечностью. Во время шторма, или полного безветрия, казаки не считали даже нужным скрываться. Овладевши судном, удальцы живо забирали оружие, небольшие пушки, разыскивали деньги, товары, а корабль, со всеми пленными и прочим грузом, пускали на дно. Бывали и несчастные встречи, когда большие турецкие корабли на полном ходу врезались в середину казачьих челнов: некоторые из них попадали под корабль, другие гибли от картечного огня с обоих бортов. Как стая робких птиц, разлетались тогда утлые суденышки, спасаясь в одиночку – на парусах, на веслах, как попало и куда попало.

А сколько раз странные бури носили по волнам отважных пловцов! Случалось, что все прибрежные скалы белели казачьими трупами; если кто и спасал свою жизнь, то спасал не на радость, попадая в вечную неволю. Турки ковали несчастных в цепи и сажали за весла на свои галеры. Как ни велики были потери, казачество не оскудевало. На место одного убитого являлся десяток других, и морские походы, считаясь самыми прибыльными, никогда не прекращались, не смотря на бури, страх неволи, угрозы султана и запреты царя. Такова была сила страсти, жажда наживы. Счастливого возвращения с удачного похода бывало радостным событием на Дону. Удальцы останавливались где-нибудь неподалеку от Черкаска, выгружали всю

² Гирло – название рукавов и протоков в дельтах крупных рек, впадающих в Черное и Азовское моря, иногда зовут так и морской проливец, например Бугаз. Кроме самих рукавов, гирлами называются также собственно окончания речных устьев, которые продолжают в морской части дельты (в заливе, лимане).

добычу и делили ее между собой поровну, что называлось «дуван дуванить». Затем казаки, одевшись во все лучшее, что у кого было, подплывали к пристани с песнями, с частой пальбой. Все войско, заранее уже извещенное, стояло на берегу, в Черкаске в это время палили из пушек. Прямо с пристани все войско направлялось к часовне, где служили благодарственный молебен, после которого, рассыпавшись по площади, обнимались, целовались, дарили родных и знакомых заморскими гостинцами. О количестве добычи можно судить по тому, что одного ясыря, или пленного, собиралось иногда до трех тысяч. У казаков даже было особое разменное место, где они сходились с азовцами, меняли мусульман на русских. За пашей азовцы платили по 30 тысяч золотых и более, смотря по знатности, знатных турчанок казаки также продавали, а всех остальных приучали к домашнему хозяйству, потом, окрестивши, женились.

Если случалась надобность поднять в поход все «великое» войско, то предварительно рассылались по городкам грамотки, чтобы казаки сходились для ратного дела. Шумит, волнуется большая площадь города Черкаска, она полна казачеством из ближних и дальних концов. Тут весь Дон на лицо, со своими детками – с берегов Донца, Хопра, Воронежа, Медведицы, Сала, Маныча... Старые, бывалые казаки, украшенные сабельными рубцами, держат себя степенно, ведут между собой беседу тихую; среди молодых идут толки о том, куда-то поведут атаманы молодцов? Старики сказывают, что под город Астрахань, им же хотелось бы пошарпать турок... Шум, перебранка, толкотня становятся все больше и больше; но, вот, толпа почему-то стихла. Чинно становится в круг: это, значит, показались регалии. Из войсковой избы вынесли Белый бунчук, пернач и бобылев хвост (так называлось древко с золотым шариком наверху, украшенным двуглавым орлом и белым конским хвостом). За регалиями выступают есаулы, за ними – войсковой атаман, с булавою в руках. Он остановился посередине круга, есаулы, положив на землю свои жезлы и шапки, прочли молитву, поклонились сначала атаману, потом всему православному воинству, снова надели шапки и с жезлами в руках приступили за приказом. Атаман что-то тихо им сказал. «Помогите, атаманы-молодцы!» – возгласили есаулы: «Белый Царь шлет вам поклон, приказать спросить о вашем здоровье! Он учинил размир с турками и шлет нас промышлять над крымцами!..» По малом времени есаулы спросили: «Любо-ли вам, атаманы-молодцы?» – «Любо, любо!» – отвечало казачество в один голос.

Впрочем, войсковое начальство не всегда объявляло в кругу, куда именно назначен поход, а просто приговаривали: «...идти на море», или «собираться в поход». Это делали из опасения, чтобы не проведали азовцы. Для походного времени все казачество делилось по сумам: 10–20 человек держали в походе общую суму, в которой хранили как запасы, так и добычу. До сих пор уцелел между казаками этот обычай, как равно и самое название «односум», в роде как бы – друг, товарищ. Жены таких казаков считаются тоже в свойстве: «Здравствуй, односумка!» говорят при встречах. Вообще, в старину казаки жили проще, дружнее и, как не озабоченные хозяйством, – веселее. В городках казаки обыкновенно собирались каждый день на площадь или к станичной избе. Сидя кружком, казаки плели сети, слушали богатырские рассказы или пели богатырские песни, из которых каждая начиналась припевом: «Да вздунай-най ду-на-на, вздунай Дунай!» В Черкаске же всегда бывало большое стечение народа, нечто в роде ярмарки. Там толкались торговые люди из украинских городов, гостили проездом турецкие послы с многочисленной свитой, наезжали астраханцы, запорожцы, терские и яицкие казаки – кто за получением вестей, кто для воинского промысла, подыскивать удальцов. Сзади густой толпы народа донцы важно расхаживали, заломив набекрень шапки, при богатом оружии, в самом разнообразном одеянии. Один гуляет в лазоревом зипуне с жемчужным ожерельем, другой выступает в бархатном полукафтанишке, а на ногах у него простые лапти; третий – в смуром русском кафтанишке, зато у него сапоги расшиты золотом, шапка висит булатная, черкесская, за спиной богатый турецкий сайдак (лук), иной вместо плаща напялит узорчатый ковер. Вон, поглядите на того богатыря: как есть, в шелку да в бархате, уселся в грязь среди улицы и выводит так жалостливо про трех братьев, как они погибали в неволе, что, если кто

послушает, прошибет слеза: это уж, наверно, запорожец, да еще подгулявший. Все, что тут есть – и турецкие в золотой оправе ружья, и булатные ножи с черенками из рыбьего зуба, бархат, шелк, атлас – все казачья добыча, своего ничего нет.

Особенно бывало шумно и торжественно, когда в Черкасском городке ожидали прибытия «будары». Еще царь Михаил Федорович положил ежегодно отпускать донскому войску: 7 тысяч четвертей муки, 500 ведер вина, 250 пудов пороху, 150 пудов свинцу и 17 тысяч рублей деньгами. С того времени каждый год выражали с Дона так называемую «зимовую станицу» из лучших казаков, с атаманом во главе. По приезде в Москву, их допускали к царской руке, угощали с царского стола, а при отпуске Государь обыкновенно жаловал атаману и есаулу по сабле со своим портретом, или же дарил серебряными позлащенными ковшами с именными надписями и двуглавым орлом; простым казакам выдавались из государевых кладовых сукна, камки. Одаренные щедро, обласканные милостью царской, казаки возвращались на Дон, где мало-помалу росла и крепла привязанность к царскому дому. Государево жалованье нагружалось в Воронеже на будары и сплавлялось вниз до Черкасска. Все попутные городки высылали встречу, причем служили о царском здравии молебн, пили из жалованных ковшей и стреляли из ружей. В Черкасске встречали казну пальбой из пушек, войсковой атаман приказывал бить сполох и сам выходил объявить в казачьем кругу, что: «Государь за службу жалует рекою столбовою тихим Доном, со всеми запольными реками, юртами и всеми угожьями, и милостию прислал свое царское годовое жалованье». Служили торжественный молебен с многолетием, после которого все начальство пирило у атамана, а на другой день гуляли у атамана зимовой станицы, где также пили из пожалованного ему ковша царскую сивушку.

С умножением казачества, преемники Михаила Федоровича делали надбавки к прежнему жалованью, за что, конечно, кроме радетельной службы, требовали от казаков и большого послушания.

Первые поселенцы тихого Дона, по примеру своих собратьев, жили бобылями, не женились, но когда утихали тревоги войны, когда у казаков оставалось множество пленниц – татарок, калмычек, черкешенок, турчанок, тогда сама собой возникала семейная жизнь. На первых порах редко кому удавалось жениться по уставу церкви. Обыкновенно жених и невеста выходили на площадь, молились Богу, потом кланялись всему честному народу, и тут-то жених объявлял имя своей невесты. Обращаясь к ней, он ей говорил: «Будь же ты моею женою». Невеста падала жениху в ноги со словами: «А ты будь моим мужем!» Такие браки легко заключались, так же легко и расторгались. Казак, покидая почему-либо свою землянку, например, по случаю похода, продавал жену за годовой запас харчей, или же выводил ее на площадь и говорил: «Не любя! Кто желает, пусть берет!». Если находился охотник взять «отказанную» жену, то прикрывал ее своей полой, что означало обещание оказывать защиту и покровительство. Бывали случаи, что казак присуждал свою жену на смерть. При всем том, казаки славились своею набожностью, строго соблюдали установленные посты, обогащали вкладыми церкви, монастыри.

Для своих приношений они избрали два монастыря: один Никольский, возле Воронежа, другой – Рождественский Черняев, в Шацке. Там висели колокола, отлитые из неприятельских пушек, священные одежды, иконы блистали жемчугом, драгоценными камнями. Там же казаки, потерявшие силы воевать, доживали свой век в монашеской рясе, как это делали и запорожцы. В тихой обители замирали страсти, забывалась вражда. Только в первых годах царствования Алексея Михайловича на Дону стали появляться часовни, а на кладбищах голубцы, или памятники. Первую церковь в Черкасске построили лишь в 1660 г.

Как видно из рассказа о защите Азова, казачьи жены славились ратным духом не менее своих мужей; так же они наставляли и своих детей. Новорожденному клали «на зубок»: стрелу, пулю, лук, ружье. После сорока дней отец нацеплял мальчугану саблю, сажал его на коня, подстригал в кружок волосы и, возвращая матери, говорил: «Вот тебе казак». Когда у младенца прорезались зубы, его везли верхом в церковь, где служили молебен Иоанну Воину, чтобы из

сына вырос храбрый казак. Трехлетки уже сами ездили по двору, а пятилетки бесстрашно скакали по улицам, стреляли из лука, играли в бабки, ходили войной. По временам все ребячье население Черкаска выступало за город, где, разделившись на две партии, строили камышовые городки. В бумажных шапках и лядунках, с бумажными знаменами и хлопущками, верхом на палочках, противники сходились, высылали стрельцов, или наездников-забияк, и, нападая, сражались с таким азартом, что не жалели носов; рубились лубочными саблями, кололись камышовыми пиками, отбивали знамена, хватали пленных. Победители, под музыку из дудок и гребней, с трещотками или тазами, возвращались торжественно в город: сзади, стыдливо понуриив головенки и заливаясь слезами, шли пленные. Старики, сидя беседой подле рундуков, за ендовой крепкого меду, любовались проходившими внучатами; сам атаман, поднявшись с места, пропускал мимо себя мелюзгу, хваля храбрых.

Когда ввели перепись «малолетков», то все достигшие 19-летнего возраста собирались в заранее назначенном месте, на лучших конях и в полном вооружении. На ровной полянке, возле речки, разбивался большой лагерь, где в продолжение месяца малолетки обучались воинскому делу под руководством стариков, в присутствии атамана. Одних учили на всем скаку стрелять, другие мчались во весь дух, стоя на седле и отмахиваясь саблей; третьи ухищрялись поднять с разостланной бурки монету или же плетку. Там выезжают поединщики, здесь толпа конных скачет к крутому берегу, вдруг исчезнет и снова появится, но уже ли другом берегу... Самым метким стрелкам, самым лихим наездникам атаман дарил нарядные уздечки, разукрашенные седла, оружие. Эта первая награда ценилась на Дону так же высоко, как у древних греков лавровые венки. Так вырастали целые поколения: начинали с детских, кончали кровавыми потехами. Сабли на Дону не ржавели, удаль и отвага не вымирали. От отца к сыну, от деда к внуку переходил один и тот же завет: любить родную землю, истреблять ее врагов. В турецкой ли неволе, у себя ли на смертном одре, казак одинаково жалостливо прощался: «Ты прости, мой тихий Дон Иванович! Мне по тебе не ездить, дикого вепря не стреливать, вкусной рыбы не лавливать!».

Однако в семье, говорит пословица, не без урода, так и среди верных сынов Дона, от времени до времени, являлись отступники, которые обагрляли руки в безвинной братской крови, которые обеславили свою родину, о них речь впереди.

Казачья вольница

Дальние походы и частые битвы, голодовки и разные другие невзгоды нисколько не убавляли казачьей вольницы, потому что убыль пополнялась с избытком беглыми и охочими людьми из Московской Руси. «Вольная сиротская дорога» никогда не зарастала на Дону, откуда уже не было выдачи. Холопы бежали от своих господ, приказчики – от хозяев, неоплатные должники – от заимодавцев, стрельцы и солдаты спасались от тягостей службы, а раскольники – от патриаршего гнева. Весь этот люд – голодный и холодный, скитаясь на Дону, искал пристанища и хлеба; он готов был на все ради наживы, смущая тем казачество, между которым было много людей степенных и с достатком. Эти последние желали сохранить нажитое добро, передать его детям, внукам; они остерегались грабить русские окраины, чтобы не стать за то в ответе, не лишиться царских милостей и жалованья. Большая же часть пришедшей вольницы жила по пословице: «Доброму вору все в пору». В былое время самые буйные головы отправлялись к турецким берегам, откуда, если возвращались, то со знатной добычей. Теперь настали другие времена: вход в море был заперт; крымчане сами стали навещать казачьи юрты, а между тем народу с Руси все прибывало да прибывало. Куда кинуться, где добыть зипуны – больше некуда, как на Волгу, куда хаживали еще прапрадеды, где гулял когда-то Ермак Тимофеевич. Дело долго стояло за атаманом, не выискивался человек, способный справляться с буйной ватагой, который умел бы ей угождать и в то же время повелевать, гулять с ней на широкую казачью ногу и посылать ее на верную смерть. Как на грех, такой человек нашелся: это был известный всему войску, не молодой уже казак, по прозвищу Степан Тимофеевич Разин. Коренастого сложения, сильный, ловкий, на словах речистый, он глядел угрюмо, повелительно. В его глазах светилась отвага необычайная, дикая, воля железная. На Дону ему тесно, точно в клетке, скучно, он не знал, куда ему девать свою силу богатырскую. Летом 1667 года вокруг него, точно из-под земли, выросла вольница, с которой он поднялся с места и окопался близ Папшина городка, где Дон ближе всего подходит к Волге. Разин стоял на высоких буграх, кругом – полая вода: ни пройти, ни проехать, ни достать языка; отсюда он высматривал, не покажется ли добыча. Вот показался сверху большой караван, в сопровождении стрельцов; как ястреб, налетел на него атаман со своею дружиной, ладья с государевым хлебом пошла ко дну, начальные люди изрублены, ссыльные, которых везли в Астрахань, раскованы. «Вам всем воля, – говорил атаман, идите себе, куда хотите, силой не стану принуждать, а кто хочет идти со мной – будет вольный казак». Все ссыльные и ярыжки пристали к ватаге. Первая удача прославила атамана; прошла молва, что он заговорен от пули, что по его слову останавливаются суда,

от его взгляда каменеют люди. Царицинский воевода приказал было стрелять по воровским стругам, так ни одна пушка не дала выстрела, потому будто, что весь порох выходил западом. На 35 стругах Стенька проплыл мимо Царицына, Черного Яра, вышел морем к устью Яика и, поднявшись вверх, засел в Нижне-Яицком городке. Отсюда, как из воровского гнезда, казаки промышляли в разные стороны – на море, к устьям Волги, между татар и калмыков. Это уже не простой грабеж, а бунт воина против государства.

Весь Дон всколыхнулся, узнавши о том, что Стенька укрепился в Нижне-Яицке. В донских городках казаки собирались «многим собранием», чтобы избрать свою старшину идти прямо на Волгу и пристать к атаману. Промышлять же над ворами было некому: по городам сидели, правда, воеводы, но с самой ничтожной силой, да и стрельцы неохотно дрались за Государево дело; многие даже тайно снабжали воров зельем (порохом) и свинцом. Вскоре вести о Стеньке затихли: знать, ушел в море.

Угрюмы, неприветливы были в ту пору берега сурового Дагестана. И горе путнику или купцу, который попадал на берег, к тамошним татарам: его ковали в цепи, обращали в неволю. Особенно тяжело приходилось христианам. Теперь казаки мстили за своих братьев, замученных в неволе, и мстили жестоко, сторицей. Сам атаман плыл на легких стругах, без компаса, без кормы, а Алешку Протокина и Каторжного с двумя тысячами послал сухопутьем; за последними увязался еще запорожский куренной атаман Чуб с четырьмя сотнями «братьев». Они набросились, прежде всего, на Дербент; крепость взять-то не смогли, но нижний город разрушили до основания. Все побережье до города Баку запылало в огне; жители, спасая животы, бежали врзнь от казачьей сабли – иные забивались в горы, другие скрывались в лесах. Все их добро, что получше да полегче, шло на струги, остальное металось в огонь. В персидском городе Реште казаки узнали, что против них выступила вооруженная сила. Атаман пустился на хитрость. Он сочинил басню, будто пришел в Персию искать милостей у шаха; просить теперь назначить ему землю под поселок. Персияне дались в обман, и пока шла отписка, атаман перебрался с молодцами из Решта в Фарабат, где объявил себя купцом. Пять дней шла у них торговля мирно, на 6-й день атаман, окруженный казаками, как бы невзначай поправил на голове шапку. Это был условный знак: пора, значит, приступать к расправе. И страшно сказать, что случилось с этим городком: в нем уцелели лишь христиане, которых признавали по выклику: «Христос! Христос!». Все остальное население, совсем беззащитное, было перебито или захвачено в плен. Целую зиму казаки, засев на островке, меняли пленных, причем давали за одного своего трех-четыре неверных. По весне Стенька очутился уже на туркменском берегу, где громил туркменские улусы. Наконец, персияне снарядили против него целый флот, вооруженный пушками. Казаки вышли ему навстречу, накинулись своим обычным способом, и только три судна успели уйти с ханом, его же сын и красавица-дочка остались в плену. После этой победы Стенька стал думать, как бы ему без помехи вернуться на Дон.

В середине августа явились в Астрахань к воеводе Львову двое выборных с речами от Стеньки и его войска и говорили, что он бьет челом, чтобы великий Государь помиловал, простил бы ему вины и пропустил на Дон, а взятые пушки войско обещает возратить и служилых людей отпустить. Воевода велел этих двух казаков привести к вере. Через несколько дней в городе было большое торжество.

В приказной избе сидит сам воевода, князь Семен Иванович Львов, окруженный дьяками. Товарищи Стеньки сложили перед избой знамена, бунчук, сам атаман, приступив к воеводе, бил челом, чтобы шестерым выборным ехать в Москву бить за вины своими головами. Выборные были отправлены, и великий Государь, по своему милосердному рассмотрению, пожаловал: вместо смерти, велел дать им живот и послать казаков в Астрахань, чтобы они вины свои заслуживали. Но унять казаков кроткими мерами становилось делом трудным: изведав широкого раздолья, с богатой на руках добычей, им не охота было выслуживать вины. Когда дело дошло до расчета, Разин стал препираться, он не выдал ни пограбленных товаров, ни пленных, даже удержал 20 пушок. «Эти пушки, – говорил он, – надобны нам в степи для проходу, а как дойдем, то пушечки пришлем тотчас же». Воеводы сдались, да и нельзя было не сдаться, потому что казачество затуманило всем головы, не только у бедноты, но у служивых, у торговых людей. Вся Астрахань приходила в умиление, глядя на казаков в шелку да в бархате, в заломленных шапках, украшенных жемчугом или драгоценными камнями, в кушаках, расшитых золотом, с оружием в богатой оправе. «А Степан Тимофеевич – и говорить нечего: пря-

мой, батюшка, такой ласковый да добрый, о чем ни попросишь, нет у него отказа...» Встречная толпа падала на колени, когда он ходил по улицам, мотал горстями денежки. На судах у атамана, сказывали, все веревки и канаты шелковые, паруса затканы золотом – велико искушение! За ним следом бегали, глядели, как он, «батюшка», гулял или «тешился». Однажды Стенька катался по Волге, и возле него сидела персиянка, ханская дочь, в своем богатом одеянии, осыпанном жемчугом, унизанном камнями. Вдруг хмельной Стенька поднялся с места и, держа красавицу за руку, повернулся к реке: «Ах ты, Волга-матушка, река великая!

Много ты дала нам злата и серебра, и всякого добра, наделила честью и славой, а я, тебя еще ничем не наградил.

На-ж тебе, возьми!», – да с этими словами швырк красавицу в воду. Вот каков был атаман! Кое-как удалось, наконец, воеводам выпроводить Стеньку из Астрахани.

Напроказив еще в Царицыне, он перебрался на Дон и недалеко от Кагальницкой станицы окопался городком. Тут явился к нему из Черкаска его младший брат Фролка, приехала жена. Казаков же он распустил на сроки, за крепкими поруками. На Дону исстари велся такой обычай, что домовитые казаки ссужали бедняков оружием и платьем, за что брали в свою пользу половину добычи. А добыча на этот раз богатая, далеко разошлись вести об удачах батюшки Степана Тимофеевича, и множество народа повалило к нему в Земляной городок. Всех принимал атаман, всех ссужал деньгами, оружием, еще более того сулил впереди. К концу года у него считалось уже без малого 3 тысячи на все готового сброда. В Черкаске войсковое начальство не знало, что ему делать: принять ли Стеньку, как гостя, или промышлять над ним, как над вором? Как бы в ответ, Стенька сам явился в Черкасск, в ту самую пору, когда казаки выражали царского гонца Герасима Евдокимова. Стенька приказал позвать его в круг. «От кого я поехал: от великого Государя или от бояр?» – спросил он у Герасима. – «Послан я от великого Государя, с милостивою грамотою». – «Врешь, – закричал на него Стенька, – приехал ты не с грамотой, приехал к нам лазутчиком!» Избил его до полусмерти и велел бросить в Дон. Тогда выступил войсковой атаман Корнило Яковлев: «Непригоже ты там учинил, Степан Тимофеевич!» – «И ты того же захотел? – спросил Стенька. – Владей своими казаками, а я владею своими». Яковлев, видя, что не пришло его время, промолчал.

Помутив казачество, Стенька покинул Черкасск и стал теперь собираться на государевы города. Тут пристал к нему еще Васька Ус, удалая голова, вор-богатырь, известный своими злодействами по Тульской и Воронежской окраинам. В ту пору Стенька уже насчитывал до 7 тысяч головорезов. «Воровским» способом, т. е. при помощи изменников, они овладели Царицыным; царский воевода Тургенев пытался защищаться, но казаки взяли приступом башню, где он засел, прокололи его копьем и кинули в воду. Уже Стенька помышлял идти дальше, дерзал овладеть даже Москвой, извести всех бояр и пожечь бумаги, как узнает, что против него высланы сверху и снизу отряды стрельцов.

Сначала Стенька бросился вверх. Тысяча московских стрельцов, под начальством Лопатина, спокойно стояли на Денежном острове, в 7 верстах от Царицына. Казаки напали на них с двух сторон, но стрельцы дружно взялись за посла и, в надежде на выручку, стали пробираться к Царицыну, не зная того, что Царицын в руках вора. Отсюда их встретили ядрами. Потерявши более половины, стрельцы должны были сдать; их посадили гребцами на воровские струги. Когда они стали кручиниться, что изменили своему государю, атаман сказал: «Вы бьетесь за изменников, а не за великого Государя». Чудны им показались эти слова. Между тем, снизу шли 2600 астраханских стрельцов да 500 вольных людей с воеводой князем Львовым. Атаман поплыл им навстречу. Как только он появился на виду, все служивые закричали: «Здравствуй, наш батюшка, Степан Тимофеевич!» – «Здравствуйте, братья. Вы мне братья и детки; и будете вы так же богаты, как я, если останетесь мне верны и храбры». Стрелецкие головы, сотники, дворяне – всех до одного перебили; злодеи пощадили лишь князя Львова, да еще спасся каким-

то чудом стрелец. Он-то и принес астраханскому воеводе страшную весть. Теперь беда грозила самой Астрахани.

Уже давно в городе ходили подобные слухи: люди слышали из запертых церквей какой-то неведомый шум, слышали, как сами собой перезванивали колокола, как колыхалась земля. Среди народа замечалось шатание умом, стрельцы дерзали громко роптать. Воеводе трудно было с ними ладить, они ему не подчинялись, у стрельцов – свое начальство, стрелецкие головы. Однако князь Прозоровский не унывал. Астрахань того времени окружала кирпичная стена в 4 сажени вышины, с широкими и высокими зубцами наверху. По пряслам стены, а также по углам, стояли двухъярусные башни с колоколами. Вооружение состояло из 460 пушек. Деятельный воевода сам обошел все стены, осмотрел пушки, развел по бойницам и стрельницам стрельцов, расставил при пушках пушкарей, при пищалях – пищальников; ворота приказал завалить кирпичом. Все посадские, по обычаю того времени, также должны встать на защиту города: кто с топором или бердышом, кто с самопалом или ручной пищалью, другие – с копьями, с камнями. По этому случаю близ окон заранее насыпали кучи камней и припас кипятка. Наконец, все защитники поделены на десятки и сотни, каждому указано его место и назначены осадные головы. В ночь на 13 июня караульные стрельцы увидели, как над всей Астраханью отверзлось небо и как оттуда посыпались точно печные искры. Стрельцы побежали в собор рассказать о видении митрополиту Иосифу. «Сие предвещает, что излился с небес фиал гнева Божия!» – сказал пастырь и горько заплакал. Уроженец Астрахани, он с детских лет знал казачьи обычаи, испытал на себе неистовства буйной вольницы и теперь скорбел о судьбе родного города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.